

О ДИАЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ КОНФЛИКТА

В современной психологической литературе по проблемам конфликта в достаточной степени определялись основные структурные особенности, параметры, характеристики с помощью которых осуществляется описание, исследование и практическое разрешение основных типов конфликтов. К числу таких основных детерминант большинство исследователей относят: объект и участников конфликта, прослеживается роль таких механизмов, как рефлексия, проекция, эмпатия, агрессия в ходе конфликта. Рассматриваются особенности конфликта в таких разнообразных сферах жизни, как организационно-управленческая, межличностных отношений, семейных отношений, отношений в коллективах и т.д.

В последнее время все более остро осознается необходимость в теоретико-методологическом осмыслении проблемы конфликта, и, в частности, в разработке концептуальных моделей и теоретических схем исследования конфликта с позиций гуманистической парадигмы диалога. В настоящей статье предлагается один из подходов к построению диалогической работы конфликта.

Исходя из современных исследований диалога [5, 12, 13] мы считаем возможным выделить три основных парадигмы изучения конфликта: объектную, субъектную и интерсубъектную или, другими словами, соответственно парадигмы воздействия, взаимодействия и диалога.

Суть объектной парадигмы заключается в постулате, согласно которому разрешение или преодоление конфликта может быть осуществлено с помощью рационально подобранных или сконструированных способов внешнего воздействия на ситуацию конфликта (участники здесь рассматриваются как компоненты объектно заданной ситуации). Объектная парадигма разрешения конфликта выражается в таких стратегиях монологического воздействия как управление, манипуляция, императивность, нормативность и др.

Субъектная парадигма исходит из представления об участниках конфликта как «обобщенных других», как абстрактно-формальных личностях с редуцированной индивидуальностью, фактически как о «частичных» субъектах. Каждый участник взаимодействия представляет для другого как носитель определенных ролей, норм, функций, особенностей, однако, их не интересует подлинная индивидуальность другого, уникальная личность человека. Поэтому конфликт воспринимается самим участником конфликта как некая интеллектуальная, логическая задача, которая имеет истинное, а значит, единственно правильное решение и оппоненты выступают в конфликте не как уникальные личности, а как функционально-ролевые, более или менее удачно разыгрывающие некоторые алгоритмы взаимодействия. И тот факт, что в число факторов условий «конфликтной задачи» нередко включаются такие переменные, как сочувствие, доверие, эмпатия, внушение, рефлексия и т.д. несколько не изменяет монологической структуры в сущности субъектной парадигмы конфликта.

Интерсубъектная парадигма учитывает не только процесс и факторы воздействия и взаимодействия, но и взаимовлияние участников конфликта друг на друга. С интерсубъектной точки зрения важно не просто признание существования «другого» в качестве объекта, «фона» (как в объектной парадигме), и не только учет абстрактно-атрибутивной заданности «другого» (как в субъектной парадигме), но прежде всего необходимость совместить, соотнести каждого участника с другими участниками как неповторимую индивидуальность, как реальную и уникальную личность. Именно интерсубъективное воздействие уникальных субъектов превращает конфликт в подлинное событие, в разворачивающийся и развивающийся диалогический процесс.

Как известно, диалог строится на основе принципов равенства позиций партнеров по общению (или конфликту), эмоциональной открытости, искренности, доверии к другому человеку, принятии его как высшей ценности в свой внутренний субъективный мир [5, 12]. В ситуации диалога два человека образуют некое общее психологическое пространство – время

совместного бытия – со-бытие, в котором воздействие и взаимодействие в традиционном смысле слова превращаются в сложноопосредованные взаимовлияния, создающие психологическое единство субъектов. В этом событийном единстве создаются условия для взаимораскрытия и взаиморазвития, закладываются предпосылки для самовоздействия и разворачиваются процессы саморазвития.

На основе современных исследований [5, 8, 9, 12, 13] можно выделить следующие аспекты и плоскости интерпретации этого фундаментального явления. Во-первых, в плане актуального генеза диалог выступает как процесс взаимодействия людей, содержанием которого является со-бытие и само-бытие участников взаимодействия. Диалог порождает у общающихся людей особое психофизическое состояние, способствующее напряженному переживанию уникального единства с другими людьми и собственной идентичности. Во-вторых, в плане онтогенеза диалог рассматривается как первичная, родовая форма человеческого общения, обеспечивающая в младенчестве душевно-эмоциональный комфорт ребенка и матери и определяющая в дальнейшем здоровое развитие личности. В-третьих, диалог становится важнейшей детерминантой этого развития и ведущим «функциональным органом» механизма интериоризации. В-четвертых, раскрывая психологическое пространство жизненных целей и смыслов, активизируя потребности и мотивы общения и совместной деятельности, диалог является универсальным условием и обобщенным способом самоактуализации личности и ее творчества на всех этапах развития. Исходя из сказанного, диалог понимается как внешний уровень организации отношений и общения между людьми, выступает как ценность и, являясь наиболее органично отвечающим «интерсубъективной» природе человеческой психики, представляет как наиболее оптимальный и универсальный способ нормального психического функционирования и личностного развития. Таким образом, диалог выступает как принцип и метод изучения человека, наиболее адекватно выражающий гуманистическую сущность человека [5].

Нам представляется, что методологический потенциал диалогического подхода остается невостребованным в области исследования конфликтов, но также становится очевидным, что дальнейшее развитие парадигмы диалога нуждается в разработке диалогических теорий конфликта, концепций конфликта как со-бытия. Не претендуя в настоящей работе на завершённую концепцию диалогического конфликта, мы рассмотрим – в порядке постановки проблемы – ряд аспектов данной проблемы.

Одна из опасностей, подстерегающих исследователя конфликта как диалога, заключается в том, что традиционные, «моносубъектные понятия, заимствованные из традиционных теорий, на первый взгляд как будто вписываются в «ткань» диалогических построений, нередко приводят к квазидиалогическим или даже «моно-логическим» представлениям и концепциям [13]. Несмотря на растущую популярность термина «диалог», в подавляющем большинстве случаев (даже в психологических работах) под диалогом понимается просто факт д и а л о г и ч е с к о г о взаимодействия, т.е. факт моносубъектного взаимодействия, а не подлинного диалога.

Особое значение приобретает в диалоге понятие о «другом» человеке как участнике взаимодействия. Психологи отмечают что представление о «другом» также зачастую нагружено моносубъектным подтекстом. С точки зрения «моносубъекта» в диалоге, в конфликте именно «он» обладает абсолютной достоверностью и значимостью, «другой» же вольно и невольно становится им в ситуацию частичного или полного неподтверждения. Поэтому исследователю, занятому изучением личности в диалоге или конфликте, необходимо брать полюса «я» и «другого» как в равной степени конкретные и реальные полюса, т.е. так, чтобы реальность второго из них не заслонялась реальностью первого.

Поучительным для психолога, исследующего конфликты, может стать метод «действенного анализа пьесы» К. К. Станиславского. Характеризуя его сущность, он писал: «Новый вид анализа и познания пьесы заключается в так называемом процессе оценки фактов... «Изучить» означает на нашем языке не только констатировать наличность, рассмотреть, понять, но и

оценить по достоинству и значению каждое событие» [10, с.247]. Особенность данного метода, по мнению Г. Товстоногова заключается в том, что «... каждая минута, каждая секунда сценического действия есть непрерывный поединок... Построив цепочку событий, надо обнаруживать в них ту последовательную цепь конфликтов, из которых вырастает действие» [11, с.261].

В современной трактовке основными понятиями действенного анализа пьесы являются «конфликт» и «событие» [7], в структуре драматического конфликта выделяются «первый конфликтный акт», основные конфликтные факты, наконец, главный конфликт пьесы. Все это позволяет на наш взгляд, определить метод «действенного анализа пьесы» как метод поликонфликтного исследования содержания пьесы, ее событий. Но достаточно ли этого, чтобы сказать, что данный метод – поликонфликтного, полисобытийного построения в анализе пьесы позволяет преодолеть ограниченность объектной и субъектной парадигм и подняться до уровня диалогизма? Мы должны дать здесь отрицательный ответ. Во-первых, несмотря на очевидное сходство терминологии («конфликт», «событие») с основными понятиями диалогической концепции, на самом деле они выражают значение «действенности», а не «событности», «со-бытийности», поскольку понятие «конфликта» и понятие «событие» здесь означают прежде всего «факт», «действенный факт», «явление», «происшествие», «предполагаемое обстоятельство» или даже случай¹. Станиславский, как можно предположить, чувствовал некоторую ограниченность и неадекватность подобной трактовки «события», однако, для выхода за ее рамки требовалась методология более сложная и совершенная – такая, которая была разработана позднее психологами и литературоведами и прежде всего была заложена трудами М. М. Бахтина. Он, в частности,

¹ И. И. Срезневский указывает, что впервые слово «событие» встречается в летописях XI века и употребляется оно в значении «то, что сбылось». Но и в словаре С. И. Ожегова мы находим понятие, мало отличающееся от древнерусского, а именно: «Событие то, что произошло, то или иное значительное явление, факт общественной или личной жизни». Лишь у Даля «событие» трактуется как «событийность кого-то с ком-то. Пребывание вместе какое-то время». - Цит. По кн. А. М. Поламишева «Мастерство режисера». [7].

обратил внимание на то, что «... драматический диалог в драме и драматизированный диалог в повествовательных формах всегда обрамлены прочной и незыблемой монологической оправой. В драме эта монологическая оправа не находит, конечно, непосредственного выражения, но именно в драме она особенно монолитна» [1, с.19]. Таким образом, главной причиной объектности и моносубъектности, а, значит, и недиалогичности метода «действенного анализа пьесы» является, как мы предполагаем, прежде всего недостаточно развернутое «интерсубъектное» содержание основных драматических произведения, для изучения которых и создавался этот метод.

В то же время метод «действенного анализа» исходит из учета широкой панорамы конфликтных событий художественного произведения (пьесы, спектакли, романы) и, значит, он отражает сложную динамику взаимодействия между людьми, их генезис, их противоречивую «микро-» и «макродialeктику». Но почему же тогда вся эта сложная структура противостояний, борьбы, противоречий, развития образов и событий, которая разворачивается через разнообразные речевые (и неречевые) диалоги, конфронтации, конфликты не может считаться «интерсубъектной», почему она является подлинным событием героев, персонажей, других действующих лиц (участников конфликта) художественного произведения?

Ответ на эти вопросы, собственно и выражают суть того кардинального методологического открытия М. Бахтина, которое создает богатые возможности психологического анализа конфликтов на основе утверждения гуманистической и творческой природы человека.

«Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается «человек в человеке», как для других так и для себя» [1, с.294], пишет М. Бахтин, полностью разделяя духовное понимание феномена человека Ф. М. Достоевский и стратегию его художественного метода – метода диалога. «Быть, - продолжает Бахтин, - значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается...» [там же].

Т. А. Фролинская подчеркивает, что диалог рассматривается Бахтиным не как средство формирования личности, а как само бытие ее и в методологическом плане диалог становится «единицей», «клеточкой» человеческого бытия. [12 с.22]. Для Бахтина мысль и слово в произведениях Достоевского могут быть поняты лишь как выражение диалога двух различных собеседников. Все в романах Достоевского сводится к диалогу, диалогическому противостоянию как к своему центру. «Все – средства, диалог – цель... Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» [1 с.29].

В видении жизни и в художественных построениях диалогов Ф. М. Достоевский тонко и глубоко чувствовал феномены психологической амбивалентности, пульсирующей противоречивости взаимоотношений и «... там, где видели одну мысль, он умел нащупать две мысли, раздвоение; там, где видели одно качество, он вскрывал в нем наличность и другого противоположного качества. Все, что казалось простым, в его мире стало сложным и многосоставным» [1, с.36].

Основной категорией художественного видения Достоевского, по мнению Бахтина, было не становление, а сосуществование и взаимодействие. Даже этапы развития Достоевский стремился «... воспринять их в одновременности, драматически сопоставить их, а не вытянуть в становящийся ряд. Разобраться в мире значительно для него помыслить все его содержание как одновременные и угадать их взаимоотношения в разрезе одного из моментов» [1, с.35]. В художественном мышлении Достоевского мало значат генетические и каузальные категории, ибо основой метода была не диалектика, а диалогика, в которой все противоречия и раздвоенности не снимаются, не отрицаются во временном движении, но разворачиваются «... в одной плоскости как рядом стоящие или противостоящие, как согласные, но не сливающиеся или безисходно противоречивые, как вечная гармония неслиенных голосов, или как их неугомонный и безисходный спор.» [1, с.36].

Стремление отразить мир как сложное со-бытийное целое, как современно звучащее «неслиянные» голоса привело Достоевского к созданию

полифонического романа. Нам представляется, что полифонический роман Достоевского, безусловно, отражает поликонфликтную систему взаимодействующих персонажей, развертывающихся событий и здесь особенно важно, что данная конфликтность является «интерсубъектной», диалогической.

Бахтин указывает, что существенная диалогичность Достоевского вовсе не исчерпывается теми внешними, композиционно выраженными диалогами, которые ведут его герои, и эту мысль развивает В. Б. Шкловский, замечая, что "...Не только герои спорят у Достоевского, но и отдельные элементы сюжетного развития как бы находятся во взаимном противоречии: факты по-разному разгадываются, психология героев открывается самопротиворечивой; эта форма является результатом сущности.» [14, с.223].

Последние замечания представляются нам особенно важными, т. к. они фактически открывают эвристический путь психологического исследования и конструирования конфликтных со-бытий и конфликтных систем. Если в художественном методе Достоевского диалогичным является каждое слово («двуголосое слово»), и если диалогизм пронизывает художественное произведение как целостность, превращающее его в полифоническое произведение, то, видимо, и перед психологами встает задача разработки метода исследования конфликтов, который органично диалогичен и на «микроуровне», и на «мезоуровне», и на «макроуровне».

Нам представляется, что диалогическая концепция конфликта должна опираться прежде всего на психологическую концепцию диалогических взаимодействий, психологическую концепцию со-бытия. В. И. Слободчиков определяет со-бытие как «... уникальную, внутренне противоречивую, живую общность двух людей» [8, с.17] и рассматривает его как ситуацию развития, в которой «впервые зарождается специфические способности человека, «функциональные органы» субъективности» [там же]. При этом «... события и есть то, что развивается результатом чего оказывается та или иная форма субъективности» [там же]. В структуре со-бытия автор выделяет прежде всего два фундаментальных процесса: обособления и

отождествления, единство и противоположность которых и есть постоянно действующее, живое противоречие события, задающее и направляющее весь ход становления и развития человеческой субъективности, как механизм этого развития.

Универсальным механизмом установления связей полагается подражание, понимаемое в самом общем виде как удвоение любой непосредственной формы (сюда относятся импринтинг, идентификация, имитация, непосредственное чувствование, эмпатия, и др. явления). Универсальным механизмом построения отношений является рефлекс как *р а з д о е н и е*, разрыв, остановка, выход за пределы непосредственного [9, с.27].

В наших работах [3, 4] предпринята попытка построения системной модели явлений идентификации, причем содержание идентификации нами трактуется довольно близко к тому, что вкладывают в понятие со-бытия. Идентификация понимается как родовое обозначение процессов социально-психологического употребления (отождествления), осуществляющих многообразные виды субъект – субъектной личностно-групповой интергации. Идентификация рассматривается в диалектическом единстве с процессами социально-психологического обособления, реализующими функцию субъективизации субъектов. При этом идентификация выступает в качестве объяснительного принципа общения, а обособление – принципом в механизме формирования личности.

В плане общения идентификация предстает как механизм таких способов психологического взаимодействия как подражание, внушение, заражение, убеждение, эмпатия, проекция, мода, комфортность и т.п., а социально-психологическое обособление в плане общения представлено таким образом, такими явлениями, как психологическая дистанция, психологическая защита, конфронтация, негативизм, агрессия, психологические барьеры, наконец, различные формы конфликтности и др. Несомненно идентификационная основа таких явлений, как социальные

установки, социальные стереотипы, социальные эталоны, социальная атрибуция и др.

В плане статической подструктуры личности идентификация лежит в основе интериоризованных социальных ролей, статусов, норм, ценностей, ориентаций, а в плане динамической структуры личности идентификация «встроена» в многообразие социальных установок личности, в психический настрой личности. В ряде теорий личности уровень идентичности играет фундаментальную структурно-генетическую роль.

Содержанием процесса идентификации могут являться чувства, мысли, действия, и, соответственно этому выделяются такие компоненты идентификации, как эмотивный, когнитивный, конативный. Идентификация может осуществляться осознанно и неосознанно, реально или в воображении, достигать разного уровня полноты, обобщенности, глубины.

В зависимости от аспекта анализа идентификации может рассматриваться как процесс (идентифицирование), механизм, состояние, а также выступать мотивом, целью и смыслом, ценностью, средством, результатом.

В аспекте групповых явлений идентификация структурирует основные типы внутри- и межгрупповых отношений: совместимость, срабатываемость, конформность, сплоченность, контактность, коллективизм, референтность, микроклимат. Идентификационные процессы определяют и уровень развития коллектива, лежат в основе феноменов выдвижения лидеров, процессов управления.

Концепция идентификации – обособление отражает многоуровненность, многоплановость, многофакторность широкого круга психологических явлений и поэтому она открывает возможность для описания не только сложной диалектики психологических явлений, но и для отражения диалогичности феноменов общения и конфликтов, диалогичности феноменов конфликтного со-бытия. Задачей дальнейших исследований мы считаем развитие концепции идентификации – обособление как продуктивной методологической, эвристической, практической парадигмы диалогического

исследования конфликтов, складывающихся, проявляющихся и задающих особенности конфликтного со-бытия во всем многообразии жизненных проявлений.

Литература.

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского: -М.: Советская Россия, 1979.
2. Бородкин Ф. М., Коряк Н. М. Внимание: конфликт! Новосибирск: Наука, 1983.
3. Дьяконов Г. В. Идентификация как феномен общения, личности и деятельности. Кировоград, 1984.
4. Дьяконов Г. В. О системной модели явлений идентификации. – В кн. социально-психологические проблемы ускорения социалистического развития общества в условиях перестройки. Тезисы, доклады к УП съезду общества психологов СССР. М.: 1989. С. 32-33.
5. Ковалев Г. А. Три парадигмы в психологии – три стратегии психологического воздействия. // Вопросы психологии. 1987. С. 41-49.
6. Петровская Л. А. О понятной схеме в социально-психологического конфликта. // Теоретические и методические проблемы социальной психологии. М.: МГУ, 1977.
7. Поламищев А. М. Мастерство режиссера. Действенный анализ пьесы. М.: Просвещение 1982.
8. Слободчиков В. И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека.// Вопросы психологии . 1986. № 6 С. 14-22.
9. Слободчиков В. И., Цукерман Г. А. Генезис рефлексивного сознания в младшем школьном возрасте. // Вопросы психологии. 1990. № 3. С. 25-35.
10. Станиславский К. С. Собрание сочинений. М., 1957. Т. 4
11. Товстоногов Г. О профессии режиссеров. М., 1967.

- 12.Флоринская Т. А. Психологические проблемы диалога в свете идей М. М. Бахтина и А. А. Ухтомского. // Общение и развитие психики. / Под ред. А. А. Бодалева. М.: Издательство НИИОП АПН СССР. С. 21-31.
- 13.Хараш А. У. «Другой» и его функция в развитии «Я» // Общение и развитие психики. Ред. А. А. Бодалев. М.: издательство НИИОП АПН СССР, 1986. С. 31-46.
- 14.Шкловский В. Б. За и против. Заметки о Достоевском. М.: Советский писатель. 1957.